

ЧАСТЬ I

Слом

1

Ломать. Мы хотим ломать. Мы хотим создать иной мир. Сейчас же. Нет ничего обыкновеннее, нет ничего очевиднее. Нет ничего проще. Нет ничего сложнее.

Ломать. Мы хотим ломать. Мы хотим сломать такой мир. Мир несправедливости, мир войны, мир жестокости, мир дискриминации, мир Газы и Гуантанамо. Мир миллиардеров и миллиарда людей, живущих впроголодь и умирающих от голода. Мир, в котором человечество уничтожает себя, уничтожает нечеловеческие формы жизни, разрушает условия своего существования. Мир, управляемый деньгами. Мир, управляемый капиталом. Мир разочарования, мир утраченных возможностей.

Мы хотим создать иной мир. Мы протестуем — конечно же, мы протестуем. Наш протест — против войны, против учащения применения пыток по всему миру, наш протест — против превращения всей жизни в товар для купли-продажи, против бесчеловечного отношения к переселенцам, мы протестуем против разрушения мира в интересах прибыли.

Мы протестуем и не только. Мы и должны не только протестовать. Если мы только протестуем, мы позволяем власть имущим задавать повестку дня. Если все, что мы делаем, составляет только протест против того, что они пытаются делать — то мы попросту следуем за ними след-в-след. *Ломать* — означает, что мы идем дальше, мы перехватываем инициативу — и теперь мы задаем повестку. Мы отрицаем, но из нашего отрицания произрастает творение, ино-деятельность — деятельность, формируемая не по праву силы, деятельность, которую определяют не деньги. Зачастую альтернативная деятельность произрастает из необходимости: функционал капиталистического рынка не позволяет нам выжить, и нам нужно найти другие способы жить — в солидарности и сотрудничестве. Также зачастую она зависит от выбора — мы отказываемся подчинить свою жизнь правилу денег, посвящая себя тому, что мы считаем необходимым или желаемым. В любом случае мы живём в мире, который хотим создать.

Сейчас же. И с этим нужно спешить. Хватит! *¡Баста!* Мы достаточно прожили в мире эксплуатации, насилия и истощения, нам надоело производить такой мир. И вот теперь возникает потребность, срочная потребность. Стало ясно, что мы, люди, разрушаем естественные условия нашего собственного существования, и маловероятно, что общество, в котором определяющей силой является стремление к прибыли, сможет переломить эту тенденцию. Изменились временные рамки радикальной и революционной мысли. Подобно древним монахам мы помещаем черепа на наши столы — но не во славу смерти, а для сосредоточенности на грядущей опасности, для усиленной борьбы за жизнь. Больше не имеет

смысла говорить о терпении, как о революционной добродетели, или говорить о «будущей революции». Какое ещё будущее? Революция уже нужна нам здесь и сейчас. Нужна до абсурда. Это очевидно.

Нет ничего обыкновеннее, нет ничего очевиднее. Нет ничего особенного в том, чтобы быть антикапиталистическим революционером. Это история многих-многих людей, миллионов, возможно, миллиардов.

Это история лондонского композитора, выражающего свой гнев и свою мечту о лучшем обществе в своей музыке. Это история садовника в Чолуле — он растит сад, противостоя разрушению природы. История машиниста из Бирмингема, вечерами работающего на своём садовом участке — чтобы заниматься чем-то интересным и полезным для себя. История коренных крестьян в Овентике - Чьяпас, создающих автономное пространство самоуправления и ежедневно защищающих его от посягательств военизированных формирований. История профессора в Афинском университете, который создает семинар вне рамок университета для продвижения критического мышления. История книгоиздателя из Барселоны, сконцентрировавшегося на издании антикапиталистических книг. История дружеской компании из Порту-Алегри — друзья создали хор просто потому, что любят петь. История учителей из Пуэблы, противостоящих притеснениям со стороны полиции в борьбе за иной тип школы, иной вид образования. История театрального режиссёра в Вене — она решила приложить весь свой талант, чтобы зрители её пьес открыли для себя иной мир. История работника сиднейского колл-центра, заполняющего весь свой досуг размышлениями о том, как бороться за лучшее общество. История людей из Кочабамбы, дружно поднявшихся на битву с правительством и армией, чтобы вода была не приватизирована, а подчинена их личному контролю. История сеульской медсестры, делающей всё возможное, чтобы помочь пациентам. История рабочих из Неукуена, занимающих фабрику и делающих её своей. История общественного работника в Далкее, ищущего слабые места в рамках правил, удерживающих его от открытия иного мира. История взбешённого жестокостью капитализма юноши из Мехико, ушедшего в джунгли, чтобы организовать вооружённую борьбу за перемены в мире. История учительницы на пенсии из Берлина — она посвятила свою жизнь борьбе с капиталистической глобализацией. История муниципальной работницы из Найроби, посвящающей всё свободное время борьбе со СПИДом. История преподавателя университета из Лидса, использующего ещё присущую некоторым учебным заведениям свободу для организации курса, посвящённого активизму и культурным изменениям. История старика, живущего в уродливом многоквартирном доме на окраине Бейрута — он выращивает растения на подоконнике, совершает восстание против окружающего его бетона. История девушки из Любляны и юноши из Флоренции, история многих людей по всему миру, кладущих свою жизнь на изобретение новых форм борьбы за лучший мир. История крестьянина из Уэхотзинго, не дающего гигантскому отстойнику нераспроданных автомобилей поглотить свой маленький сад. История группы бездомных друзей из Рима — они занимают пустой дом и отказываются платить аренду. История энтузиаста из Буэнос-Айреса — он посвящает весь свой великий потенциал открытию новых перспектив для иного мира. История девушки из Токио — она говорит, что не пойдёт сегодня на работу, а пойдёт посидеть в парке с книгой — с этой книгой, или с какой-нибудь другой. История юноши из Франции, посвящающего себя обустройству "сухих" туалетов — и тем

вносящего вклад в радикальное изменение взаимоотношений между людьми и природой. История инженера-телефониста из Халапы, который уходит с работы, чтобы проводить больше времени со своими детьми. История жительницы Эдинбурга, каждым своим поступком переплавляющая свою ярость в создание мира любви и взаимоподдержки.

Это история простых людей — некоторых из них я знаю лично, о некоторых слышал, а некоторых придумал. Обычные люди: бунтари, возможно, революционеры. "Мы вполне обычные женщины и мужчины, дети и старики, то есть, бунтари, нонконформисты, неудачники, мечтатели", — говорят сапатисты в своём самом проникновенном и требовательном призыве^[1].

«Обычные люди» в нашем списке сильно отличаются друг от друга. Может показаться странным стремление поставить рядом машиниста, который вечером отправляется на свой садовый участок и юношу, отправившегося в джунгли, чтобы посвятить свою жизнь организации вооруженной борьбы против капитализма. И всё же в этом есть некая последовательность. Общее место обоих — участие в движении отказа и ино-творения, они мятежники, а не жертвы; субъекты, а не объекты. В случае машиниста это индивидуальное занятие, состоящее только из вечеров и выходных; в случае с молодым человеком в джунглях это очень рискованное стремление к бунтарской жизни. Оба человека — очень разные, но всё же с той чертой родства, которую было бы очень неправильно упускать из виду.

Нет ничего проще. Ла Бозси, французский теоретик XVI века очень точно выразил простоту революции в своем трактате «*Рассуждение о добровольном рабстве*»:

Вы сеете для того, чтобы он [лорд] уничтожал ваши посевы, вы обставляете и наполняете свои дома для его грабежей, вы растите своих дочерей для удовлетворения его похоти, вы воспитываете ваших сыновей с тем, чтобы он — и это лучшее из того, что он может им сделать — мог вербовать их для своих войн, чтобы он мог вести их на бойню, чтобы он делал их слугами своей алчности и исполнителями своих мщений. Вы надрыгаетесь в труде, чтобы он мог нежиться в своих удовольствиях и утопать в своих грязных и мерзких наслаждениях. Вы подрываете свои силы, чтобы сделать его сильнее и чтобы он мог еще туже держать вас в узде. И от всех этих бедствий, которых не стали бы терпеть и переносить даже животные, вы можете освободиться, если вы не то что попытаетесь избавиться, но лишь пожелаете это сделать. Решитесь не служить ему более — и вот вы уже свободны. Я не требую от вас, чтобы вы бились с ним, нападали на него, перестаньте только поддерживать его, и вы увидите, как он, подобно колоссу, из-под которого вынули основание, рухнет под собственной тяжестью и разобьётся вдребезги^[2].

Всё, что имеет тиран, происходит от нас и от того, что он нас эксплуатирует. Нам нужно лишь перестать работать на него, и он перестанет быть тираном, потому что пропадёт материальная основа его тирании. Мы производим тирана; чтобы быть свободными, мы должны прекратить производить его. Ключ к нашей эмансипации, ключ к полному очеловечиванию прост: отказаться, не повиноваться. *Решитесь не служить ему более — и вот вы уже свободны.*

Нет ничего сложнее, впрочем. Мы можем отказаться от выполнения работы, которая создает тирана. Мы можем посвятить себя иному виду деятельности. Вместо нашего "надрыва в труде, чтобы он мог нежиться в своих удовольствиях и утопать в своих грязных и мерзких наслаждениях" мы можем делать нечто, что мы считаем важным или желаемым. Нет ничего обыкновеннее, нет ничего очевиднее. И всё же мы знаем, что это не так просто. Если мы не посвятим свою жизнь труду, создающему капитал, мы столкнёмся с нищетой, вплоть до истощения — а зачастую и с физическим угнетением. Чуть дальше по улице от места, где я пишу эти строки, жители Оахаки удерживали контроль над городом на протяжении пяти месяцев, противостоя коррупции и зверствам губернатора. В конечном итоге их мирное восстание было подавлено силой, многие подверглись пыткам, сексуальному насилию, запуганы тем, что их сбросят с вертолета, им ломали пальцы, многие просто исчезли. Для меня Оахака находится чуть дальше по улице. Но для вас, любезный читатель, она не намного дальше, и есть еще много других мест "чуть дальше по улице", где от вашего имени совершаются злодеяния. Абу Грейб, Гуантанамо — и ещё много-много мест на выбор.

Зачастую это выглядит безнадежным. Так много неудачных революций. Так много увлекательных экспериментов в области анти-капитализма, закончившихся разочарованиями и обвинениями. Говорят, что «сегодня легче представить конец света, чем конец капитализма» (Turbulence 2008: 3). Мы достигли этапа, на котором легче думать о полном уничтожении человечества, чем вообразить перемены в организации явно несправедливого и разрушительного общества. Что мы можем сделать?

1. «Somos mujeres y hombres, niños y ancianos bastante comunes, es decir, rebeldes, inconformes, incómodos, soñadores» (La Jornada, 4 августа 1999). — (здесь и далее, если не указано обратное, прим. автора) [↗](#)
2. Цит. по Этьен де Ла Боэси «Рассуждение о добровольном рабстве». М.: РАН, 1962. 148с. Автор ссылается на La Boétie (1546/2002: 139–40). — прим. пер. [↗](#)